

И.П. Фарман

Язык и действие: традиционные и новые контексты*

В языке есть две тенденции: к сохранению и к обновлению.

Э.Кассирер. Опыт о человеке

Интерес и обращение к языку, издавна присущие философии, в настоящей эпистемологической ситуации проявляются в разных формах и – что особенно важно – в контексте самых современных теоретико-познавательных проблем. В такой направленности можно выделить несколько аспектов: 1) развитие собственно языковой проблематики и лингво-семиотического анализа, тенденцию к распространению методологии, связанной с «лингвистическим поворотом», на всё более широкие сферы гуманитарного знания; 2) существенное *повышение статуса языка, расширение его смыслового поля и роли в познавательном процессе*; 3) рассмотрение традиционных философских проблем в новых языковых контекстах; и др., что даёт основание считать языковую составляющую необходимым компонентом познания, обогащающим его методологическую структуру и оказывающим позитивное воздействие на получение новых результатов.

Наиболее характерным проявлением этой тенденции является, на наш взгляд, трактовка соотношения *языка и действия* в современной неклассической эпистемологии, которая в целом опирается на предшествующее знание, но содержит много новых положений, отвечающих запросам нашего времени. Цель данной работы – дать краткий *обзор интерпретаций* этого соотношения, выявить характерные для него контексты и динамику, обусловленную взаимодействием языковых и социокультурных процессов.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00637а.

Но вначале несколько общих замечаний. Связь языка с действием является одной из важнейших сторон его функционирования, которая устанавливалась на протяжении тысячелетий в процессе исторического развития, начиная с трудовой деятельности и вербального опыта освоения мира на ранних ступенях развития культуры и вплоть до современных социальных сдвигов, в том числе информационных и коммуникационных, исследование которых является сейчас весьма актуальным. Между тем изучение этой связи не относится к приоритетным, как при обращении к истокам языковой природы, так и при определении сущности языка и его основных функций. Это относится не только к лингвистике и языкознанию, имеющим свои цели и задачи, но и к философскому опыту осмысления языковой проблематики, уходящему в глубь веков. Разумеется, отдельные аспекты этой связи так или иначе освещались, но она не была предметом специального исследования в качестве мировоззренческой и методологической позиции, а рассматривалась в рамках традиционных подходов к языку, или традиционных контекстов, к которым мы относим следующие: соотношение языка и мышления, определение сущности языка и представление её в «чистом» виде как абсолютного качества; понимание языка как способа выражения и речевой деятельности; теории речевых актов; трактовку языка как знака, знаковые и логические системы языка; ориентацию на текст, на способы его интерпретации и понимания; и т. д. Все эти и другие подходы создавали картину фактического многостороннего функционирования языка, его определяющей роли в развитии общества и культуры, что и является предметом исследования самых разных наук.

Новые принципы выделения языка как теоретического объекта, сложившиеся в современной философии, непосредственно связывают его с действием, шире – с социальной деятельностью как внешней по отношению к самому языку, но вместе с тем детерминированной коллективным, общественным сознанием и условиями межличностной коммуникации. Примером такого рассмотрения может служить выявление связи между языком и действием в рамках *коммуникационного подхода к социальной реальности*, где раскрытие принципов этой связи выдвигается на передний план; при этом анализируются не только новые контексты употребления языка и действия, но для их осмысления создаётся и соответству-

ющий новый понятийные аппарат: «коммуникативная рациональность», «коммуникативное действие», «коммуникативный консенсус» и др., смысл которых раскрывается посредством таких ключевых слов для данной проблематики, как межсубъектное общение, рациональные мотивации, понимание, социальное действие и др., но более эффективно – через констелляцию, делающую акцент не просто на понимании и действии, но на *взаимопонимании* и *взаимодействии*, а также содержащую и ценностные критерии.

Важно отметить, что такой подход не отменяет и не подменяет традиционно сложившихся трактовок языка, но в нём проявляется новый принцип выделения, состоящий в том, что главное внимание уделяется функциональным факторам, которые представляют соотношение язык – действие в социальном мыслительном контексте, где решаются отнюдь не лингвистические задачи, а вырабатываются новые методологические рекомендации и социальные стратегии для решения острых современных, нередко глобальных проблем. Далеко не всё в таком подходе является новым, во многом он опирается на предшествующее знание и носит синтетический характер, в частности, обобщает богатый историко-философский опыт, опирается на него. Поэтому, на наш взгляд, имеет смысл сказать, хотя бы коротко, о некоторых исторически сложившихся контекстах рассматриваемого соотношения, внесших существенный вклад в формирование и развитие такого подхода.

Вначале остановимся на тех положениях, которые проясняют, как складывалось само соотношение «язык – действие», какие контексты его употребления оказались устойчивыми и перспективными, в конечном же итоге попытаемся определить, в чём состоят его новые аспекты и какое значение они имеют для современной эпистемологической и социокультурной ситуации.

Языки – самые древние памятники человеческого рода. Вербальный – устный, словесный – язык и визуальный знак, апеллирующий к образу, существовали ещё в дописьменную эпоху. Понятийное мышление на ранних ступенях развития культуры развивалось в тесной связи с практическим освоением действительности, чем и обосновывается положение о неразделимости языка и практического сознания, которая присуща первичному освоению мира и соответствующей ему репрезентации: «Язык срощён с интуитивно-практическим пониманием мира» как «исходным знанием человека»¹.

О нерелексивной слитности языка с различными человеческими действиями как видами практической деятельности свидетельствует более поздняя рефлексия над смыслом и значением обыденного сознания. Учёные, в частности, отмечают, что основной семантической проблемой была связь знака с означаемым, выработка общности значения, обязательного для всех; говоря современным языком, это проблема intersubjectивного смысла, на котором основывались бы правила участия в совместной деятельности. Сущность языка усматривалась в синкретическом единстве акта схватывания и выражения содержательных смыслов предметного мира и мира явлений с функцией применения результата этого процесса в тех или иных конкретных ситуациях. Такое единство было закреплено в смысловом содержании обыденного сознания и естественного поведения.

Расщепление этого единства было обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. К первым относятся формирование языка как общественного явления, становление его как части новой социальной организации. Ко вторым – развитие самого языка, процесс словообразования, лексической спецификации, грамматической классификации. Возникновение письменных языков, создание текстов сопровождалось появлением наук о языке, которые развивались как самостоятельное знание и со временем превратились в современную научную лингвистику. Все эти факторы способствовали тому, что многообразные аспекты языка как средства выражения, общения, носителя культуры и др. стали предметом специальных исследований в языкознании, философии, логике, теории культуры, а в последнее время – в семиотике и теории коммуникаций.

Современный подход к языку как бы возвращает нас к прежнему единству, поэтому выделим некоторые историко-философские основы его формирования. Исходная тесная связь языка и действия отражена ещё в *древнеиндийской философии* («Веды» и др.) и *лингвистике*, которая считается самой первой в истории наукой о языке, существовавшей ещё за 2 века до н. э.; тексты же, на которых она основывалась, уходят в глубь тысячелетий. Уже в то время проявилась тенденция осмысления языка как всеобщего средства познания на том основании, что в него вкладывался опыт осмысления действительности не отдельным субъектом, а социальной со-

вокупностью индивидов, который посредством слова передавался от одного поколения другому². Так сложился один из важнейших контекстов языка, ставший традиционным.

Специалисты отмечают, что для текстов индийской культуры и философии изначально была характерна диалогичность, составление комментариев как философского жанра и развитие самой философии как «дискуссионного клуба». Примером могут служить диалоги Упанишад³. Отметим, что в число основных предметов дискуссий входили не только проблемы основ мироздания, но и вопросы результативности человеческих действий. Не случайно разработанный в ведийскую эпоху (I тысячелетие до н. э.) комплекс представлений, правил и социальных установлений, развивавшийся на протяжении веков, вместе с нормативными комментариями к базовым текстам приобрёл статус руководства всей жизни и деятельности и в новую эру⁴.

Одна из основных функций языка имела социальную направленность и усматривалась в сохранении деяний людей, правильной организации общественной жизни. Поэтому активно разрабатывались правила употребления определённых терминов для указаний, угроз, порицаний и т. д., что даёт основание считать, что слово издавна рассматривалось как воздействующая сила, которая может оказывать влияние на совершаемые людьми действия или вызывать их.

Одновременно складывалось понимание слова как нормы, которой должны следовать люди в различных сферах жизни. Особенно чёткие формы должны были иметь правила и распоряжения в области управления государством, а также способы ведения политики, о чём свидетельствует известное древнеиндийское руководство политикой «Артхашастра», где искусство слова и искусство управления тесно связаны. Естественно, что и поведение человека, его действия строго регламентировались предписаниями древних текстов, определялись нравственными законами и правилами, которые с целью наилучшего понимания сопровождались специальными комментариями (дхарма). Человек должен был совершать только «те действия, что безупречны, а не иные», придерживаться тех поступков, что «приняты у нас, а не у иных»⁵. Многие другие тексты также содержали указания, наставления и предписания, основанные на убеждении в том, что хорошо сказанное слово не останется бесплодным, ему будут следовать⁶.

Примечательно, что и сама философия понималась не только как умение говорить, рассуждать, но и действовать. Сочетание правильного слова и действия рассматривалось в контексте категорий истины и лжи, добра и зла. Утверждалось, что человек, укрепивший себя пониманием смысла этих понятий, становится на путь правильного поведения, сочетая правильную веру и правильное знание⁷. Субъект познания (*джнятри*) считался не только обладателем средств познания, но и субъектом действия (или бездействия). В других источниках он выступал как «субстрат» чувства, воления и действия. При этом причинность человеческих действий не была изучена и нередко считалась делом случая.

Первые европейские концептуальные трактовки языка сложились в *античной философии*. Одна из основных черт языка – его связь с мышлением, закономерностями его развития и категориальными структурами – освещалась в учениях пифагорейцев, софистов, Протагора, Платона, Аристотеля и др., исследовались разные аспекты этой связи. Основное внимание уделялось слову. Демокрит считал, что слово наделяется смыслом по установлению, Пифагор – что по природе. В целом язык понимался как выражение непосредственной реальности, а также как орудие мысли, но не отождествлялся с нею. Язык рассматривался как важнейшее средство формализации, которое проявляется прежде всего в понятийном мышлении – в создании чётких и определённых понятий. Освещались отношения логики и мышления (так называемая логическая грамматика Аристотеля). Гераклит трактовал «мир как речь», логос, которому нужно «внимать»; считал, что воспринятый чувствами мир должен быть правильно выражен, а это так же трудно, как найти крупницу истины в горе пустой породы. «Поэтика» Аристотеля давала широкую историко-художественную картину на основе греческой литературы и содержала обобщённый анализ словесного творчества – искусства поэзии. В ней выражалось требование, чтобы язык – мысли и способы их выражения – был чётким и ясным, а слова общеупотребительными и понятными. Это требование будет неизменно повторяться в разных учениях и в Новое время.

В античных языковых концепциях достаточно обстоятельно был представлен и коммуникационный аспект языка, были выработаны правила беседы, дискуссии, созданы теории диалога, кото-

рые были не просто изложением формальных логических и других процедур, но имели своей целью активизировать познавательное отношение к окружающему миру и процесс понимания, создать новые языковые представления знания. Знаменитые платоновские диалоги стали формой философствования, основным методом ведения дискуссий и обучения. Они приобрели основополагающее значение и для других диалогических актов, в частности, получили развитие в диалоговых формах философских трактатов эпохи Просвещения. В дальнейшем диалоговая форма стала необходимым способом коммуникации и взаимодействия в разных сферах человеческой деятельности, в том числе социально-культурной.

В Новое время, особенно в *эпоху Просвещения*, сложились трактовки языка, отражающие её гуманистические устремления и связывающие обращение к языку с культурой. Согласно многим из них, языки, будучи самыми древними памятниками человеческого рода, выступают как явления духовной культуры, средство познания истории народов и их общения. При этом язык трактуется как феномен, раскрывающий связь характера языка и характера народа: он формирует этнос, является важнейшим фактором духовного развития нации. Показательным было обращение к национальному языку как более идентичному в противовес латыни, господствовавшей тогда в науке и образовании, а также формирование философских понятий и категорий, их толкование (например, в Германии этим занимались Г.В.Лейбниц, Х.Томмазий, Х.Вольф). Приметой времени была деятельность просвещенной публики в разных обществах, в том числе языковых, которые признавали, что возникшая из потребности заставить себя понять других, речь становится «великим орудием и всеобщей связью общества», а её коммуникативная роль – главнейшей⁸.

Важные для понимания истории и антропогенеза отношения между мышлением и языком раскрыл *Гегель*, который трактовал язык как первую и непосредственную форму обнаружения мышления, его объективацию, а слово (язык, речь и высказывание) как первую (и логически, и исторически) форму бытия (обнаружения) духа, его логического строя для себя самого. «Формы мысли выявляются и отлагаются прежде всего в человеческом языке», – писал он⁹. Разделяя тезис «вначале было Слово...», Гегель утверждал, что мышление проявляет свою творческую силу в акте творения

имён (Namengebendekraft), в установлении между ними связи и порядка, т. е. грамматического строя. Вместе с тем он не абсолютизировал значение языка и утверждал, что человек как «мыслящее существо» обнаруживает себя также в деятельности (прежде всего – человеческой руки), формирующей тело человеческой культуры.

При этом освещался и личностный аспект проблемы, состоящий в утверждении, что язык, языковое мышление определяет специфику сознания и человеческой психики вообще, что в нём объективируется самосознание личности. Гегелевская интерпретация языка в контексте деятельности и самосознания приобрела фундаментальное значение и для современных языковых концепций, которые в отличие от лингвистического фетишизма ставят своей целью наиболее полное осмысление действительности и человеческого взаимопонимания.

В XIX в. из множества типов объяснений языка всё большее значение начинает приобретать его трактовка как *социального и культурного феномена*. При таком подходе язык выступает не только как личностное качество человека, но и как продукт истории народа, явление человеческой культуры. Одновременно формируется и «*мировоззренческая*» трактовка языка, т. е. антропологически ориентированный подход, объясняющий, как с помощью языка мир проецируется в сознании человека, как через язык, речь, текст складывается его миропонимание, формируется его мировоззрение.

Понимание языка как *миро*-видения, раскрытие связей «языка и духа» характерно для философской антропологии **В. фон Гумбольдта**, в которой язык в целом трактуется как «всемирная история мыслей и чувств человечества», как «сила, пронизывающая всю историю человечества», «орудие мыслей и чувств народа»¹⁰. Особо отметим, что Гумбольдт в своей языковой теории, традиционно рассматривая язык в тесной связи с мышлением, утверждал, что сам язык не есть готовый инструмент и нечто созданное (ergon), он – деятельность (energeia) духа. Язык – это «объединённая духовная энергия народа, чудесным образом запечатлённая в определённых звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию»¹¹. На этом основании языковую теорию Гумбольдта относят к новому, «энергетическому направлению» исследований языка (Г.В.Рамишвили)¹².

В концепции Гумбольдта речь идёт о действии и деятельности в нескольких смыслах. Во-первых, выявляется деятельностная природа самого языка, во-вторых, указывается на то, как «живущая в языках сила» превращает в достояние сознания общую сферу явлений, лежащую перед всеми языками¹³; иными словами, словообразующая функция языка раскрывается как деятельностная, и, в-третьих, утверждается, что язык как речь оказывает сильнейшее воздействие на говорящих. Гумбольдт подчёркивал творческий характер языка, утверждал, что, являясь не только продуктом мышления, но и речевой деятельностью, он формирует языковое самосознание человека, способствует его духовному развитию. С языком Гумбольдт связывал и поиски истины¹⁴. Позже эти идеи развивал также А.А.Потебня.

В теории лингвистической относительности *Э.Сенура–Б.Л.Уорфа* обычно анализируется её основное положение, нередко трактуемое как спорная гипотеза о том, что поскольку в различных языках содержится разная лексика, постольку они по-разному отображают действительность в «языковой картине мира». Мы хотели бы обратить внимание на другой аспект: в этой теории рассматриваются отношения мышления, мировоззрения и норм поведения людей, анализируется воздействие языка на действия субъекта, предпринимается попытка обосновать детерминированность его действий характером языка. Деятельностную характеристику, которая даётся языку в этом контексте, можно отнести уже не только к самому языку, но и к внешнему по отношению к нему фактору, на который он воздействует, т. е. к субъекту. Связь языка и действия в таком контексте можно рассматривать как каузальную: слово, направленность речи приводит к действию определённого рода – к деятельности, которая возникает как следствие (вследствие) сказанного. В теории лингвистической относительности раскрываются многообразные формы воздействия языковых средств на деятельность людей. Такой подход в целом оказал влияние на многие концепции, обосновывающие положение о языке как обуславливающем мир людей и их действия (М.Шелер, Х.Плеснер)¹⁵.

Современные языковые модели вобрала в себя многие традиционные трактовки языка, о которых шла речь. Однако они имеют и свои отличительные черты, создающие новый образ языка как языка XX в., а именно: язык характеризуется через широкий

социально-культурный контекст, где языковая сфера выступает как важнейшая его составляющая; воспринимаемый с древнейших времён не только как знание, но и как сокровищница мудрости, язык оказывается в русле поисков новых социальных ориентиров, проективно-конструктивного отношения к реальности; в этом своём значении он рассматривается не просто в связи с действием, но прежде всего с *социальным действием*, точнее было бы сказать, с социокультурным действием и деятельностью, преследующими цели общественных преобразований.

В такой направленности тоже можно проследить традиции. Ещё в марксистской философии подчёркивался общественный характер языка. Его возникновение связывалось с трудовой деятельностью и формированием общества. Язык определялся как непосредственная деятельность мысли: он регистрирует и закрепляет в словах результаты работы мышления и практической познавательной деятельности человека. Утверждалось, что, будучи практическим, действенным сознанием, язык сыграл огромную роль в развитии человека, передаче знания от поколения к поколению, в поступательном ходе истории.

Однако этот процесс, несмотря на обстоятельную его изученность, порождает новые проблемы, которые требуют отказа от инерционного видения и поиска нестандартных решений. Не случайно поэтому для современных философов и социальных психологов также характерно обращение к истокам формирования общества и социального характера языка с целью выявления естественных предпосылок социального сознания и объяснения причин происходящих перемен в социальной жизни. Характерными в этом плане являются работы *Э.Кассирера*¹⁶, в которых он исследовал науки о культуре и в какой-то мере обобщил учения об языке, представленные в современных антропологических и этнографических концепциях (Л.Леви-Брюль, Б.Малиновский, К.Леви-Стросс, Е.Эванс-Причард и др.). На основе проделанной реконструкции ранних этапов культуры Э.Кассирер подробно охарактеризовал не только процесс образования понятий о вещах, числе и др., которые способствовали развитию как реального социального бытия, так и идеальной стороны формировавшейся социальной жизни, но исследовал и вопрос о том, как складывались понятия об отношениях между людьми и

теми обязательными нормами, которыми они руководствовались; иначе говоря, выявил истоки общественного характера языка и его связей с деятельностью.

Главное внимание Э.Кассирер уделил происхождению символических форм, указав на их огромную роль в освоении природы и мира как необходимого этапа в развитии познания. Символическое мышление и поведение он определил как самые характерные черты человеческой жизни, на которых зиждется прогресс человеческой культуры¹⁷. Символ как знак и образ выполняет духовную функцию – устанавливает и даже создаёт для нас самое существо вещи. Это прежде всего касается языка как первой попытки человека артикулировать мир¹⁸, свои чувственные впечатления и восприятия. Именно язык предоставляет ему необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретает смысл всё окружающее. Причём имя не просто присоединяется к готовому предметному представлению как высший знак, в нём запечатлевается определённый путь, способ и направление познания.

Философ обращает внимание и на то, что связь между символом и тем, что он обозначает, была естественной, а не только условной, конвенциональной: «без такой естественной связи слово человеческого языка не могло бы выполнять свою задачу – оно стало бы непонятным»¹⁹. Язык, следовательно, должен был приспособливаться к условиям коммуникации и способствовать пониманию.

При всей важности освещённых проблем такую трактовку можно отнести к традиционным – рассмотрению репрезентативной функции языка, но она содержит и оригинальные рассуждения по поводу связи языка с действием. У Э.Кассирера все культурные формы, как бы они ни различались между собой, – это активные чувственные формы; «они – действия, а не просто события, – особые энергии (сравним с *energeia* у Гумбольдта), с чьей помощью строится мир культуры, мир языка, искусства, религии»²⁰. Язык, вопреки догмам сенсуализма, «есть основное направление работы духа, высшее проявление душевно-духовного действия»²¹. Э.Кассирер считает, что «язык следует рассматривать скорее как деятельность, чем результат деятельности; это – непрерывный процесс, вечно повторяющаяся работа человеческого духа по использованию артикулированных звуков для выработки мысли»²². Именно с таким пониманием функций языка как внутреннего действия он

и связывает процесс освоения мира, когда человеку впервые открывается новая сторона действительности и подлинность вещей. В концепции философа освещается также связь языка и действия, условно говоря, как внешнего по отношению к нему: «Истина по своей природе – дитя диалектической мысли. Прийти к ней можно только в постоянном сотрудничестве субъектов, во взаимном вопрошании и ответах. Она не походит на эмпирический объект – её должно понимать как продукт социального действия»²³. Кассирер приводит мнение софистов, что важно не описывать вещи, а побуждать человека к действиям. Таким образом, у нас есть основания утверждать, что язык в его концепции является важнейшим социальным фактором, самодостаточным и устойчивым, и вместе с тем связанным с другими социальными явлениями, в частности с деятельностью.

В качестве перехода к следующему контексту отметим, что философ рассматривал язык и как путь к нам самим и считал его продуктивным в том смысле, что лишь через него строится Я-сознание (*Ichbewußtsein*) и самосознание (*Selbstbewußtsein*). Именно поэтому он считал, что обращение к природе языка как символа нужно не для того чтобы истолковывать прошлую жизнь, а чтобы понять, какого рода познание заключено в этом факторе, которому мы как носители и творцы культуры так многим обязаны.

В последние десятилетия как в философии языка, так и в языкознании стали доминировать *когнитивно-функциональная и социальная парадигмы языка*. Язык вовлечён в социальные отношения, активно в них участвует. Отсюда возникает необходимость осмысления его как социального интересубъективного феномена, основные функции которого состоят в осуществлении социальной коммуникации и достижении понимания на социальном уровне. Не случайно эта проблематика стала активно развиваться в социальной философии и социологии. Уже при рассмотрении традиционных контекстов языка было очевидно, что язык выполняет не только репрезентативную функцию, является не только способом формирования «жизненного мира» отдельного человека, но поскольку этот процесс осуществляется во взаимодействии с «коллективными представлениями», постольку он способствует и созданию самих этих представлений, формированию феномена коллективного сознания, которое было и остаётся как способом

моделирования мира, так и объясняющим и регулирующим принципом. В современных концепциях особо подчёркивается роль феномена «общественного сознания», которое придаёт значимость установленному социальному порядку, создаёт представление о нём как о надлежащем, правомерном и тем самым обеспечивает его легитимность, ориентируя людей на определённые действия и отношения друг с другом.

В условиях так называемой информационной и коммуникационной революции отчётливо проявляются новые подходы к языку, представленные ранее лишь в качестве отдельных компонентов, – рассмотрение языка как способа действия, как фактора, мотивирующего переход «от текста к действию» (например, в концепции П.Рикёра, исследующего процесс перехода от сформулированного дискурса и диалога к практическим действиям²⁴). Идеи понимания «слова как действия» обсуждаются в теориях речевых актов (Дж. Р. Сёрль, Дж. Остин, Р.Бубнер, Д.Вендервекен, Р.Сандерс, П.Стросон и др.)²⁵, которые, при всей своей оригинальности, сходны в том, что считают важным в настоящее время связывать сущность речи не столько с сообщением или обобщением чего-либо или даже с пониманием между Я и Другими – что воспринимается как традиционный контекст, – сколько с раскрытием принципов взаимодействия между Я (которое предстаёт в разных образах «жизненных миров») и современными системными установлениями, прежде всего социальными, которым подчинена жизнь человека.

В этом плане наиболее актуальны, на наш взгляд, трактовки соотношения «язык – действие» в языковых концепциях **К.-О.Апель** и **Ю.Хабермаса**. Характеризуя современную тенденцию, связанную с активным обращением философии к языку, Апель поясняет, что речь идёт не о дополнении философии лингвистикой, а об изменении самого подхода к языку, который стал пониматься как источник и фундамент всякого знания, в том числе научного. Такое признание, по его мнению, стало основным признаком происшедшей в XX в. смены философской парадигмы. Исследуя современные лингво-философские теории²⁶, Апель замечает, что философия до сих пор не выработала удовлетворительного общего понятия языка, и хотя точки зрения герменевтики и прагматики имеют здесь неоспоримое преимущество, требуется приложить дальнейшие усилия в этом направлении.

Апель характеризует язык исходя из его конституирующей (от нем. *konstitutiv* – определяющий) способности, конкретнее – через исследование *связи* форм сознания и его конструктивной деятельности с формами языковых коммуникаций, а также выявление её всеобщего значения. Именно эту всеобщность, универсальность, а согласно терминологии Апеля, «трансцендентальность», он и положил в основу своей концепции.

Соотношение язык – действие вводится Апелем непосредственно в познавательный контекст, который принимает у него форму «познание – речь – действие», при этом философ проясняет также рациональные основания этих составляющих в процессе их взаимодействия. Сами же эти взаимодействия он усматривает не только в совершенно очевидном расширении философских контекстов использования языка, но главное – в таком существенном усилении его роли в развитии философской мысли, которое, по его мнению, даёт основание говорить о «трансформации философии».

Конкретизируя свой подход, Апель поясняет, что собственно философское рассмотрение языка предполагает понимание его как трансцендентальной величины в кантовском смысле, т. е. как условие возможности и объективной значимости понимания и самопонимания и тем самым одновременно как условие возможности и объективной значимости понятийного мышления, предметного познания и *осмысленного действия*. Такое понимание языка согласуется с герменевтическим, которое воспринимает язык, с одной стороны, как артефакт, созданный усилиями индивидуального духа, а с другой – как intersубъективный социальный феномен, противостоящий в качестве эмпирической данности каждому члену языкового сообщества.

В концепции раскрываются и традиционные контексты: предметный характер языка, его функции, связи с социальным контекстом и историей. Иначе говоря, смысл языка определяется через его использование – *языковую прагматику*, отдельные аспекты которой, особенно познавательный и оценочно-нормативный, освещаются как обусловленные общественной практикой.

Концепция Апеля ориентирует на коммуникационный подход к социальной реальности, на формирование коммуникативного разума, необходимыми составными частями которого должны стать рефлексия, а также выявление его новых возможностей. В рамках

такого подхода предполагается осуществление целого ряда коммуникативных действий: это нахождение общего фундамента для полемизирующих сторон, поиски консенсуса относительно уровня их притязаний, принятие intersубъективных соглашений, в том числе относительно рационального изменения социальности, обсуждение возможности (или невозможности) сознательного проектирования новых социальных реальностей. Такой подход, включающий в качестве основных коммуникационно-деятельностный и проективно-конструктивный аспекты, несмотря на наличие в нём идеальных допущений, Апел считает реальным на том основании, что консенсус имманентно присущ языку, и при условии рационального его использования, а также, разумеется, корреляции проектов с общим социально-культурным уровнем, он может быть успешным.

Комплекс проблем, поставленных Апелем, получил дальнейшее развитие в работах *Ю.Хабермаса*, который создал новую интеллектуальную (во многом идеальную) конструкцию *языка и коммуникативного действия*, отражающую переход на новый уровень социальной реальности. Её продуктивная инновационная роль во многом определяется концепцией *коммуникативной рациональности*, поэтому выделим главные её положения²⁷: 1) понятие коммуникативной рациональности может быть рассмотрено как *теоретическая конструкция*, ставящая своей целью производство процедурного знания, а также теоретического и практического знания вообще на основе *рациональности, согласованности (консенсуса) и понимания*; 2) относится к типу неклассической критико-рефлексивной рациональности, являясь одной из её конкретных современных форм; отличается от классической рациональности рядом особенностей, главная из которых состоит в проективно-конструктивном отношении к реальности, прежде всего социальной; 3) исходит из нового понимания коммуникации – не как средства одностороннего распространения информации, а как способа осуществления связи и взаимодействия людей в социальной сфере через продуктивный, конструктивный *диалог*. Новая трактовка диалога и *диалогической коммуникации* проявляется в том, что они понимаются не просто как обмен точками зрения или идеями, а как особая форма взаимодействия – *диалогическое взаимодействие*, преследующее определённые цели (например, поиск альтернативного решения или беспроблемной ситуации для всех).

Коммуникативные условия, или правила такого действия, также отличаются рядом особенностей. Это не только логически корректная постановка вопросов (в смысле диалогической логики П.Лоренцена, К.Лоренца, В.Камлаха), убедительная аргументация, беспристрастность суждений, научная достоверность и др., но и требование от участников высокого уровня критической рефлексии, способности к рациональному прогнозированию; и самое главное – диалогический процесс должен быть нацелен на достижение *общего понимания* какого-либо вопроса, единого мнения, иначе – *рационального консенсуса* (от лат. consensus – согласие, единодушие, соучастие, согласованность). Это не означает отказа от собственной точки зрения (или поражения), но обязывает учитывать другие мнения (в духе ориентации на Другого М.Вебера и Дж.Г.Мида), искать способы согласованности и конструктивно-го взаимодействия различных позиций. Рациональный консенсус вырабатывается путём дискурса²⁸, междисциплинарного обсуждения, в процессе которого участники преодолевают свои собственные субъективные взгляды в пользу рационально мотивированного согласия. Консенсус рождает «сила лучшего аргумента», приобретающего общезначимость.

Должны быть соблюдены и процессуальные требования этики дискурса: 1) всестороннее обсуждение предмета, исходя из принципа рационального аргументирования (требование общности); 2) равные возможности критики претензий на общезначимость для всех участников (равноправие); 3) готовность понять, «вчувствоваться» в претензии на общезначимость других (принятие идеальных ролей); нейтрализация различий между участниками по силе и обладанию властью, чтобы они не оказывали влияния на выработку консенсуса; 4) ясность целей и намерений в ходе дискурса (прозрачность).

Рациональный консенсус, таким образом, означает, что каждая личность признаёт за другой её автономию и ведёт себя в соответствии с системой нормативных экспектаций, имеющих *всеобщее* значение, которые по предположению *всех* сторон должны обеспечить наиболее рациональное из всех возможных решений в данное время, в данном контексте. Он нацелен не просто на понимание, но на *коммуникативно достигнутое понимание* в результате преодоления разногласий. При этом акцентируется *активная роль субъек-*

та как действующего лица (актора). Показателем продуктивности коммуникации являются *согласованные целерациональные практические действия*.

Ю.Хабермас вносит в научный обиход на правах фундаментальных понятий эпистемологии наряду с коммуникативной рациональностью и понятие *коммуникативного действия*. Его смысл уже достаточно ясен из рассмотренного контекста: прежде всего это социальное действие, имеющее особую природу норм и мотиваций, первоначальной формой проявления которого является диалог и, согласно терминологии Ю.Хабермаса, разного рода интеракции. Оно не ограничивается речевой коммуникацией, т. е. речевыми актами, в нём становится взаимосвязанным и упорядоченным *множество действий*, когда индивидуальные усилия оказываются скоординированными в некий *коллективный образ действий*, нацеленный на практический результат. Коммуникативные действия имеют обязующий характер на основе тех норм, которые выражают всеобщую волю и поэтому заслуживают интересубъективного признания. Ю.Хабермас поясняет: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость»²⁹. Речь идёт о коммуникативном согласии, достигнутом свободно, без какого-либо, особенно идеологического, давления.

Теория коммуникативного действия может быть рассмотрена и как *социокультурная проективная модель*. Коммуникативная рациональность и коммуникативные действия в концепции Ю.Хабермаса нацелены на создание новых подходов к *социальной реальности*, на поиск методов рационального прогнозирования, новых норм, ценностей и содержащихся в них культурных смыслов, которые могли бы послужить ориентирами для развития общества. В этих условиях они проявляют себя и как *смысло-аналитические*, и как *смыслообразующие* процедуры, приобретают характер *созидательного процесса*, в котором активно используется интеллектуальная интуиция, творческое воображение, в том числе политическое, создаются социокультурные модели и проекты. Согласно концепции, они должны проверяться в *практическом дискурсе*, а в социальном плане – открывать возможности не только модернизации, но и гуманизации общества.

В заключение отметим, что рассмотренные образы языка и действия в разных мыслительных контекстах, хотя и далеко не полных, на наш взгляд, дают основание говорить о новой роли языка, особенно в *коммуникациях высокого уровня*, когда он выполняет не только свои многочисленные речевые функции, но даёт «практический импульс к действию» (М.Вебер), ориентирует на деятельностный характер познания и выступает как *модельно-конструктивный компонент познания*, в частности социального. Из сказанного видно, что в концепциях, апеллирующих к языку, важен не только он сам, но и выявление его весьма многообразных контекстных значений. Понятно, что введённые новые языковые понятия и понятийные образования нуждаются в специальном теоретическом осмыслении, однако по крайней мере в рамках коммуникационного подхода, можно говорить о расширении их смыслового поля и спектра действий по сравнению с традиционными, об использовании их как средств *практической стратегии*, направленной на решение масштабных, нередко международных проблем, которые, как известно, тоже предпочтительнее осуществлять посредством диалога в разных его формах: от естественной речи «Я» с «Другими» и урегулирования взглядов противоположающихся сторон до диалога «на высшем уровне» «диалога культур в глобализирующемся мире»³⁰.

Примечания

- ¹ Бибихин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 505.
- ² См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. I. Ч. 1. М., 1969. С. 135.
- ³ Шохин В.К. Первые философы Индии. М., 1997. *Он же*: Индийская философия // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 108.
- ⁴ Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
- ⁵ Упанишады // Антология мировой философии. Т. I. Ч. 1. С. 91.
- ⁶ Там же. С. 129.
- ⁷ Там же. С. 138, 148. Индийским мыслителем, логиком и поэтом Дхармакирти (VI–VII вв.) были созданы труды «Обсуждение правил диспута» и «Об источниках познания».
- ⁸ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы пред-установленной гармонии. Кн. 3: О словах // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 274.
- ⁹ Гегель Г.В.Ф. Большая Логика. Соч. Т. V. М., 1970. С. 6.

- 10 Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349, 376, 377.
- 11 Там же. С. 349.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 434.
- 14 Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. М., 1982.
- 15 См.: Шелер М. Избр. произведения. М., 1994; Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- 16 Кассирер Э. Философия символических форм / Т. 1: Язык; Т. 2: Мифологическое мышление; Т. 3: Феноменология познания. М., СПб., 2002. См. также: Свасьян К.А. Философия символических форм Кассирера. Ереван, 1989; Кравченко А.А. Логика гуманитарных наук Э.Кассирера. Кассирер и Гёте. М., 1999; Соболева М.Е. Философия символических форм Э.Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб., 2001.
- 17 Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. М., 1998. С. 473.
- 18 Там же. С. 687.
- 19 Там же. С. 572.
- 20 Там же. С. 59.
- 21 Там же. С. 20.
- 22 Там же. С. 582.
- 23 Там же. С. 449.
- 24 Рикёр П. Торжество языка над насилем // Вопр. философии. 1996. № 4.
- 25 См.: Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Теория речевых актов. М., 1986; Остин Дж. Л. Как совершать действие при помощи слов // Остин Дж. Л. Избранное. М., 1999; Buber M. The Knowledge of Man. N.Y., 1965; Bubner R. Handlung, Sprache und Vernunft. Fr. a/M., 1976.
- 26 Апель даёт обзор понятий о языке, начиная с античности и включая анализ современных теорий языка Л.Витгенштейна, Р.Карнапа, Ч.Морриса, Ч.С.Пирса и др. См.: Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd. 1–2. Fr. a/M., 1973; Apel K.-O. Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus von Dante bis Vico. Bonn, 1963. См. также: Соболева М.Е. «Трансцендентальный прагматизм» К.-О.Апеля. Проблема языка // Вопр. философии. 2003. № 12. С. 162–177.
- 27 Концепция построена на основе следующих работ: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1–2. Fr. a/M., 1981; Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Fr. a/M., 1984; Habermas J. Texte und Kontexte. Fr. a/M., 1992; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; он же: Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2001; См. также: Фарман И.П. Модель коммуникативной рациональности (на основе социально-культурной концепции Юргена Хабермаса) // Рациональность на перепутье. Кн. 1. М., 1999. С. 264–292; она же: Коммуникативная парадигма в социальном познании // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А.Лекторский. М., 2005. С. 229–261. Мотрошилова

- Н.В. Хабермас Юрген // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 286–287. Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход / Отв. ред. И.Т.Касавин, В.Н.Порус. М., 2009.*
- 28 Широко употребляемое Ю.Хабермасом понятие, под которым понимается вид речевой коммуникации, диалог с чётко сформулированной тематикой, ориентированной на рациональное критическое обсуждение и объективные оценки в соответствии с явными ценностями, этическими нормами и правилами социальной жизни. Разрабатывалось, начиная с 1970-х гг., при этом автор, отправляясь от теории речевых актов Дж. Сёрля, создал оригинальную теорию дискурса, которая стала неотъемлемым компонентом теории коммуникативного действия.
- 29 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 91.
- 30 См.: Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М., 2005.